

* * *

Деревья засыпают стоя...
А может быть, они не спят.
А может, это все пустое —
что тот, кто любит — тот и свят.

Он в светлом городе том не был,
где славит Бога херувим.
Он, может быть, и свят для неба,
но на земле он не любим.

Там лев встречает огнегривый
и вол, исполненный очей...
А на земле все косо-криво,
и ты ничей, ничей, ничей.

Скрывают город тот ворота,
стена прозрачная крепка.
А за стеною мнется рота
всех нелюбимых на века.

Ты не любим, чего же боле...
Ни бог, ни Пушкин не спасут.
Все суждено лишь Высшей воле,
и приговор выносит Суд.

Но как несправедливо, боже,
погибнуть крыльям от копыт.
В чужой душе, что всех дороже —
убит, расстрелян и забыт.

* * *

Жить и жить себе внутри тумана,
вместо денег звездочки считать...
Вынет месяц ножик из кармана —
разрезать страницы и читать

в книге судеб, писанной вселенной,
чей глядит на нас печальный глаз,
чтобы в жизни, немощной и тленной,
стало легче нам от лунных ласк.

Плыть и плыть бездумно по теченью,
пока кто-то руку не подаст,
не напоит чаем нас с печеньем,
не обнимет в самый черный час.

Я не повторяю имя всуе,
писем не пишу тебе я, но
всю себя тебе я адресую —
прочитай хоть строчку перед сном.

Словно дети, друг от друга прячась,
прячемся от счастья — не беды...
Ведь любовь — единственная зрячесть,
все другое — формы слепоты.

И куда судьба опять заманит,
где рассвет неясен и белес...
Мы плывем, как ежики в тумане,
ничего не видя из-за слез.

* * *

Человечество грезам не верит
и преступно относится к снам.
И никто никогда не измерит —
что ночами является нам.

Видеть сны — это так несерьезно,
недостойно здоровых умов...
Жить бесцветно, безгрезно, тверезно —
вот удел этих серых домов.

А попробуйте — нет, кроме шуток,
вы попробуйте выйти из сна,
но не с той стороны, где рассудок,
а оттуда, где явь неясна,

выйти с черного хода наружу,
где безумие, бред и полет —
вы проснетесь, навеки разруша
векового молчания лед.

Вы пройдете через зазеркалье,
через тернии к звездам в глазах,
к тем рукам, что любили, ласкали,
и оставили после в слезах...

Сны — крылатость, свобода, бескрайность,
что дает нам дышать наяву.
Это наша вторая реальность.
Даже первая, по существу.

* * *

— Но не верьте, — сказал мне пришедший во сне, —
что навеки нас в землю зарыли, —
мы лишь куколки, что оживут по весне,
мы лишь кокон для будущих крыльев.

Пусть наш временный кров твердокамен, дубов,
но в нем зреют другие столетья.
Нет, не жизнь и не смерть, из скорлупок гробов
вылупляется новое, третье.

Легким облачком, бабочкой, тенью: душа,
незнакома ни с грязью, ни с потом.
Мы следим, замерев и почти не дыша,
за ее легкокрылым полетом.

Ты стал частью природы и частью меня,
и вселенной, и Богом отчасти.
Это то, без чего не прожить мне и дня,
из чего вылупляется счастье.

То, что нам не увидеть и не осязать,
жизнь иную из вечности лепит.
То, что ты не успел мне тогда досказать, —
дорасскажет мне шелест и лепет.

Этим внутренним зрением, чувством шестым
я все больше тебя постигаю —
после жизни, когда та рассеется в дым —
жизнь другая, другая, другая...

* * *

Когда мы впервые с тобой были в Питере —
ездили к Коле и Гале —
ты был еще — помнишь? — в дымчатом свитере,
вместе с тобой покупали.

Мир Пушкина, Гоголя, Достоевского
крутил нас, толкал плечами,
и толпы праздно гуляющих с Невского
порою нас разлучали.

И я сказала: коль потеряемся —
(мобил еще нет и в помине) —
тогда на площади этой встречаемся,
у памятника Екатерине.

Сейчас брожу вот по нашему городу,
под нашими небесами,
встречаю все, что было нам дорого,
невольню ищу глазами, —

а вдруг не ты, но тень твоя где-то тут —
невидимая, но рядом —
заденет похоже кепкой надетою,
согреет случайным взглядом...

Быть может, ты — тот мелькнувший в трениках,
иль эти в коляске дети?
Мы просто с тобой потерялись временно
на этой дурной планете.

Порой померещится: мы с тобой в Питере...
Ну где тебя черти носят?!
Но никого нет в дымчатом свитере.
Такие теперь не носят.

* * *

Я проснулась в слезах от забытого сна.
Ты не помнишь, о чем мы с тобой говорили?
Как парили, где вечная веет весна,
как друг другу себя без остатка дарили...

Бог включает мне звезды, чтоб сны озарять,
ветерком обдувает сердечные раны.
Ах, как жаль, что нельзя эти сны повторять,
увидать еще раз с неземного экрана.

Только брезжится что-то, как шел и как ждал...
Только зыбкое что-то в сознание витает.
Твоим шепотом мне отвечает каштан
в двух шагах от окна, за которым светает.

Я пытаюсь тебя на стекле отдышать...
Лишь одним невесомым строки мановеньем
я уже научилась тебя воскрешать
и играть с остановленным чудным мгновеньем.

Я тебе благодарна за светлые сны,
что ты шлешь, в поднебесную щелочку глядя,
одиночеством дальним своим неземным
здесь земное мое одиночество глядя.

* * *

Я мысленно проигрываю жизнь,
привычную, как утреннюю гамму...
Ведь прошлому не скажешь: отвяжись,
не отряхнешься просто, как от хлама.

Проигрываю в мыслях и стихах
то, что давно я жизни проиграла.
Звучит в ушах, торжественно тиха,
мелодия небесного хорала.

Еще не вечер, да, но скоро ночь.
Зачем брести по замкнутому кругу,
ведь ничему уже нельзя помочь,
и не вернуть единственного друга.

Я бисер слов бессмысленно мечу.
Мне небо льет серебряные пули.
Мой спор с судьбой закончился вничью.
Мы, кажется, друг друга обманули.

Я жизнь свою, изжитую, как ять,
вновь прогоню по всем ее длиннотам,
но ничего не стану удалять
и проиграю снова как по нотам.

Проигранную насмерть, в пух и прах,
я проиграю на сердечной флейте,
и страсть, и страх, и жизненный свой крах –
все повторяя снова, хоть убедите.

Проигранная жизнь моя на бис...
За свой базар я небесам отвечу.
И выйду к вам из темноты кулис...
Да, скоро ночь... Но все еще не вечер.

* * *

Все лишнее прочь, на земле как придется,
чем хуже — тем лучше судьбе.
Чем меньше земного во мне остается —
тем выше взлетаю к тебе.

Закон гравитации будет нарушен
во имя небесной зари.
И чем холодней год от года снаружи —
тем мне горячее внутри.

Пусть бабочки снова слетятся на слово
и крылья себе обожгут.
А я буду жить ради высшего лова,
взлетая на каждом шагу.

Мой внутренний компас давно туда метил,
хотя я земная до пят,
но тронулся лед мой и пепел мой светел,
и звезды мне в руки летят.